

Семейное кладбище семьи Цуй располагалось в горах, неподалеку от поместья, однако из-за крутых склонов и извилистых троп добираться туда было непросто. Поместьем теперь управляло семейство слуг, пришедшее в качестве приданого вместе с госпожой Сюй. Цуй Се не желал иметь с ними ничего общего, а потому остановился у крестьян, живших по соседству с предковскими могилами. Утром и вечером он, как и дома, упражнялся в каллиграфии и чтении, ожидая, пока каменотес закончит работу над новым надгробием, чтобы в благоприятный день перестроить гробницу госпожи Лю.

Книг он взял с собой немного, но даже на них уходило уйма времени. «Троесловие», «Сто фамилий», «Тысячесловие» и наставительные стихи хотя и встречались повсеместно, для сдачи кэцзюй не требовались — их достаточно было однажды «отсканировать» в свою память, словно на жесткий диск. А вот над сборниками парных фраз и словарями рифм так просто проскочить не удавалось. Эти знания требовались на практике: нужно было с первого взгляда замечать ошибки других и, опираясь на них, писать собственные стихи и парные надписи.

Если не заучить парные выражения и рифменные группы, то при сочинении стихов окажешься в положении нерадивого ученика, который явился на экзамен по синхронному переводу с толковым словарем и учебником грамматики — хоть облопайся страницами, а связной строчки написать не сможешь. Подбор парных строк хотя бы увлекал словесной игрой, а вот зубрежка рифмовников превращалась в настоящую пытку для ума.

К тому же повседневный говор жителей Шуньтяньфу сильно отличался от нормативного произношения из рифмовников: слова с одинаковым звучанием в словарях порой относились к совершенно разным группам рифм, что казалось абсолютно противоестественным.

Учебники вроде «Парных рифм Ли Вэна» или «Азов ритмики», соединявшие в себе и подбор пар, и обучение поэтическому строю, появились лишь при династии Цин. В руках у него имелись только два базовых справочника, так что оставалось лишь зубрить. Сначала приходилось наизусть заучивать разрозненные знаки из рифменных групп, а затем, разбирая сборники парных фраз, въедаться в каждое слово, с трудом примиряя его с нужным тоном и рифмой, дабы насильно закрепить все в памяти.

Оставалось лишь утешать себя тем, что это похоже на изучение иностранного языка через запоминание слов в сложных предложениях... В конце концов, это все же проще, чем учить настоящий чужой язык.

Цуй Се день и ночь сидел над этими книгами. Цуй Юань с сыном, боясь, что молодой хозяин переутомится, покупали у местных охотников дичь — оленятину, зайчатину, фазанов да голубей — и тушили ее с купеной, ямсом и ягодами годжи, чтобы укрепить его силы.

Сам же Цуй Се опасался за свой позвоночник из-за долгого сидения и к тому же не мог уснуть от чересчур питательной пищи. Поэтому по ночам, когда никто не видел, он отжимался в комнате, делал скручивания на пресс, а порой поднимал тяжелый деревянный табурет, тренируя руки.

Однажды ночью Пэн Янь, встав по нужде, увидел через окно, как хозяин поднимает табурет словно штангу. Перепугавшись до полусмерти, он решил, что в господина вселился дух, помялся у порога и лишь потом несмело вошел, тихо спросив:

— Молодой господин, что это вы делаете? Выглядит как-то жутковато... Не дай бог хозяева дома увидят — засмеют.

Сердце Цуй Се заколотилось как бешеное. Опустив табурет, он с трудом сохранил

невозмутимый вид и строго ответил:

— Я просто укрепляю кисти. На днях показалось, будто в руке маловато силы, и почерк стал хуже прежнего. Выглядит и впрямь невзрачно. Позже попрошу сделать мешочки с песком, привяжу к запястьям да буду тренироваться писать на весу.

Пэн Янь тут же с горячностью возразил:

— Да что вы такое говорите! Списки указов, что вы переписали, смотрятся куда красивее прежнего почерка! С вашей рукой все в порядке, это просто прописи не те! Стиль Янь писать трудно. Вот купите прописи ученого Яна в стиле тайгэ и позанимайтесь по ним — почерк сразу станет загляденье!

Что же до тренировок, то Пэн Янь в тот же день обо всем пересказал отцу. Цуй Юань отнесся к здоровью молодого хозяина еще серьезнее и на следующее утро завел с ним обстоятельный разговор:

— Молодой господин, не стоит вам так истязать себя — не дай бог жилы надорвете или кости повредите, тогда точно писать не сможете. Давайте лучше купим небольшой лук да установим во дворе мишень. Стрельба из лука лучше всего укрепляет руки и развивает дыхание! К тому же у нас есть лошади. Найдем хорошего мастера верховой езды, будете выезжать за город, охотиться на фазанов да зайцев — глядишь, выкуете себе такое же крепкое тело, как у Цзиньивэй.

Отличная идея!

Верховая езда и стрельба из лука выглядели куда статнее и эффектнее, чем отжимания и приседания в комнате или бег по двору.

В тот же миг деревянный табурет был отправлен в опалу, а сам Цуй Се, сидя под соснами при лунном свете, принялся заучивать поэтические строки.

Вспыхнул одиннадцатый день восьмого месяца.

Гадатель выбрал благоприятный день, подходивший для строительства и земляных работ. Каменотес уже вырезал новое надгробие, так что оставалось лишь перестроить гробницу.

Накануне Цуй Се, глядя в медное зеркало, нарисовал автопортрет. Он использовал тонкую кисть из козьего волоса, совместив традиционную живопись с приемами академического рисунка: живыми линиями набросал контуры, легкой тушью наложил тени. Черты лица полностью совпадали с обликом четырнадцатилетнего Цуй Се, вот только выражение получилось более детским, по-юношески наивным и безмятежным.

Он не стал показывать этот рисунок Цуй Юаню с сыном, а вложил его в книжку «Троесловие», которую прежний владелец тела читал с самого детства. Когда могилу раскопали, он положил книгу вместе с нефритовой подвеской прямо на крышку гроба. Затем сам взялся за лопату и влажной, хорошо утрамбованной землей ком за комом засыпал вещи, принадлежавшие прежнему Сяо Цуй.

Рабочие и Цуй Юань с сыном подхватили работу, насыпав высокий холм и заново запечатав гробницу.

Цуй Се опустился на колени перед могилой, совершил возлияние тремя чашами вина и сжег

пачку ритуальных денег. Проведя пальцами по свежевырезанным на камне словам «С плачем воздвиг непутевый сын Цуй Се», он мысленно пожелал этому мальчику в следующей жизни родиться в его эпохе и вырасти в тишине и безопасности.

И еще он надеялся, что в том, его прежнем мире, хоть кто-то так же искренне вспомнит о нем перед его собственной могилой.

Почтив память предков, слуги и хозяин отправились обратно в Цяньань.

К городу они подъехали уже в сумерках. На тракте было необычайно людно, и экипаж двигался крайне медленно. Они уж было подумали, что в городе что-то стряслось, но у самого дома обнаружили: причиной затора были они сами. На перекрестке перед старой усадьбой семьи Цуй толпились рабочие — они таскали землю, утрамбовывали площадку и поднимали высокие сосновые столбы. По конструкции сооружение напоминало парадную арку о четырех столбах и трех пролетах.

Хотя Цуй Се не отличался самовлюбленностью, на их улице еще не водилось ни вдов-добродетельниц, ни верных мужей-праведников, так что воздвигнуть подобную арку могли разве что в его честь.

Он спрыгнул с повозки, велел Цуй Юаню заехать через задний двор, а сам подошел к писарю, руководившему работами, и вежливо сложил руки в приветствии:

— Почтенный брат, отчего у моего дома возводят арку?

Писарь, узнав его, торопливо поклонился в ответ:

— Молодой господин, вы почему только сейчас вернулись? Я — Чжан Син, можете звать меня просто по имени. Его превосходительство уездный начальник хотел было даже ваш дом подновить, да вы на несколько дней уехали в горы, мы уж думали, и в ворота к вам не попадем!

— Брат Чжан... Разве его превосходительство уже не пожаловал мне награду? Отчего же теперь строят арку да ремонтируют дом? — Цуй Се с изумлением уставился на распахнутые ворота, через которые рабочие носили камень и землю. Он потерял дар речи и лишь мысленно подивился невероятной решительности господина уездного начальника.

— Двор издал Высочайший указ да пожаловал императорскую каллиграфическую доску! Разумеется, уезд обязан выделить средства на постройку арки. А вот ремонт дома — это личная забота его превосходительства о вас, деньги выделены из уездной казны... — Писарь Чжан тоже бросил взгляд на ворота и с чувством добавил: — Кабы не пришли ваши домашние, мастера бы даже в дом войти не смогли, пришлось бы ждать вашего возвращения.

Снова кто-то приехал из семьи Цуй? Опять явились доставлять неприятности?

Не то чтобы Цуй Се искал во всем дурной умысел, но с момента перемещения в это тело все контакты с родными прежнего владельца не принесли Сяо Цуй ни капли добра. Кто же явился на этот раз?..

Впрочем, на сей раз из ворот выбежала худощавая низкорослая женщина лет сорока. На ней была шелковая кофта и пышная ярко-красная юбка с золотым шитьем. Сияя от радости, она бежала так, что подол юбки волочился по земле. Подойдя ближе, она низко отвесила поклон, промахнула лицо платочком и со слезами и смехом запричитала:

— Се-гэ, какой же ты у нас толковый стал! И дедушка с бабушкой, и батюшка с матушкой — все знают, что тебе пожаловали Высочайшую похвалу! Дома все так за тебя радуются!

«А это еще кто?.. В доме отца я ее не видел!»

Цуй Се подхватил ее под локоть, не в силах изобразить сложную гамму чувств из смеси горя и радости, а потому ограничился туманным вопросом:

— Матушка, не стоит так волноваться. К чему слезы в такой радостный день? Все ли дома здоровы? Как болезнь дедушки? Не случилось ли в эти дни приступа у госпожи Сун? И матушка с батюшкой добры ли здоровьем?

Женщина со смехом ответила:

— Все хорошо, все просто замечательно! Раз ты получил императорскую похвалу, так старый господин от радости аж смог лишний часок посидеть, опираясь на подушки! Госпожа Сун тоже не помнит себя от счастья. Она велела мне собрать кое-какие вещички и привезти тебе. Пойдем скорее в дом, Се-гэ, посмотришь, какую заботу проявила о тебе бабушка!

<http://bllate.org/book/18372/1761255>